

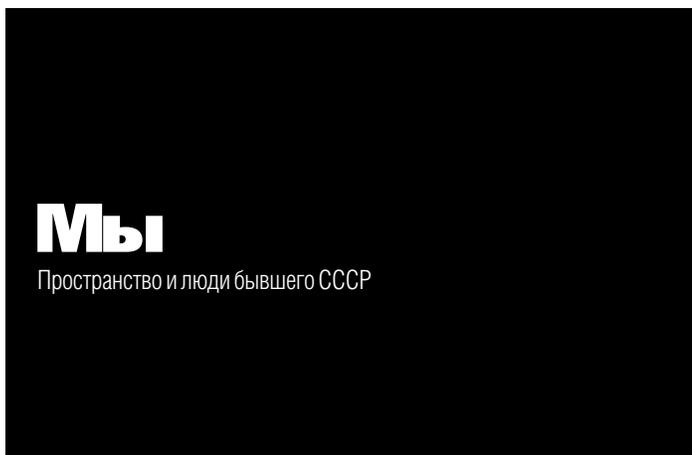

Михаил Немцев,
социальный антрополог
Новосибирск,
nemtsev.m@gmail.com

«Мы» – это ощущение (пока ещё) единого пространства. Сохранение такого чувства единства – нетривиальная задача культурной политики. Она не имеет отношения к идеологии национального государства, хотя бы потому, что это единство не «против кого-то». Это и не единство «за». Это чувство общего, сообща населяемого и обживаемого мира. Интервью с куратором Артёмом Черновым на открытии выставки «Мы» в Новосибирском государственном краеведческом музее в октябре 2009 г.

Артём Чернов
основатель и руководитель
проекта «Фотополигон»,
Москва
artemchernov@gmail.com

– Артём, я – человек, далёкий от профессиональной фотографии, и как зритель вижу на этой выставке множество разнообразных картинок. Что их объединило? Что это – «мы»?

– Все эти фотоработы были присланы на сетевой русскоязычный ресурс «Фотополигон». Так что объединяет их менталитет авторов – вот, пожалуй, и вся идея проекта. В огромном пространстве бывшего СССР сохранился общий менталитет. Мы разделены границами каких-то новых государственных образований, но никакие российско-грузинские конфликты эту ситуацию не меняют. У нас и с грузинами менталитет общий, хотя и различий полно, но – общий.

— Ты считаешь, что люди, даже выросшие в послесоветские времена, это единое ментальное пространство могут увидеть?

— Не столько увидеть, сколько почувствовать. Если человек серьёзно занимается фотографией и изучает фотографическое наследие — не только советское, а вообще мировое наследие, если он находится в этом фотографическом контексте, его взгляд будет более внимательным. К тому же, он ведь живёт не в стеклянном кубе, он живёт здесь, где ментальные черты наследуются.

Когда я был должен быстро выбрать тему для выставки, слово «Мы» у меня всплыло первым. «Мы» — полигон, мы — это коллектив авторов, фактически никогда не видевших друг друга, но чувствовавших общность. Но при этом «мы» — это все люди, которые показаны на этих фотографиях. Я сам был фотокорреспондентом, работал в «Независимой газете» и объехал пол-России, был в бывших советских республиках. Я знаю, о чём говорю. Приезжаешь в тот же Азербайджан,

Константин Дьячков. Санкт-Петербург.

Остатки сооружений береговой обороны армии Рокоссовского.

В конце сороковых прошлого века здесь ждали нападения американцев. Прямо по курсу, в 4- километрах, о. Св.Лаврентия (США).

9 сентября 2007 года, бухта Эммы, Чукотка, Россия

в маленький город, подходят люди, они говорят по-русски и расспрашивают о жизни в Москве. Эту общность — культурную, политическую, ментальную — полезно осознавать. По крайней мере, не стоит игнорировать.

— Я могу себе представить похожую выставку, но про Румынию, Венгрию...

— На самом деле, Венгрия тоже входила в советское пространство. Но вообще в фотографиях европейцев, когда они приезжают снимать бывший СССР, виден *отстранённый* взгляд. Это невозможно вычленить в каждой фотографии, но общее ощущение именно такое

Дарья Туминас. Санкт-Петербург.

Участница деревенского праздника.
Архангельская область, д.Жердь. 2008 год.

Мы

и, пожалуй, если передо мной выложить фотографии без фамилий, я возьмусь даже с вероятностью больше 50% определить, европеец снимал, или наш человек.

— А есть какие-то знаки этой общности? То, что можно визуально увидеть — не в том, как делает фотограф фотографии, а в самом изображении?

— «Москвич» в песках Каракумы... окопы армии Рокоссовского, снятые на Чукотке, с видом на залив Святого Лаврентия — это же всё знаки.

— Знаки, если быть точными, общесоветского наследия, семиотической системы, которая была наложена

на всех: и на грузин, и на москвичей, пусть не в равной мере. А кроме?

— Возьмём архитектуру. Конструктивизм в Тбилиси, автобусные остановки 60-х годов в Крыму, ленинградские кварталы в Баку... В Баку есть квартал 300-летней застройки. Это Стамбул, или даже не Стамбул, а Бог знает что — узкие улочки, приземистые здания без окон. И вдруг взгляду открывается квартал с помпезными барочными дворцами и типичной архитектурой классицизма. В 1991 году посреди этих улиц с кариатидами стояла армейская палатка, у которой гуляла свадьба. Дым стоял коромыслом, что называется. Это очень сильное впечатление и тоже знак, один

из многих. Это — Баку, и при этом абсолютно европейский город, такой южный Петербург, я бы сказал. Метро московское в Азербайджане... — тоже знак.

— Прошло 20 лет. Кроме общей памяти и общих артефактов, что остаётся у нас по обе стороны границ общего? Для меня, живущего в Новосибирске, например, очень сомнительно, что я — часть единого «мы» с ровесником из Тбилиси или из Таллинна. И даже из Владивостока. Дело не в политике, просто жизнь в разные стороны пошла. Например, я почти год жил в Будапеште, и мне кажется, что со многими венграми у меня больше общего даже и на уровне мировоззрения, чем со многими людьми из России.

— Это наше европейское подсознание. Да, у меня такие же ощущения.

— Тогда «мы» — это кто? Это те, кто остался на руинах рухнувшего Союза, или же это те, кто считает одни и те же культурные коды, одинаково относятся к неким символам?

— Мне кажется, что когда ты чувствуешь единство с кем-то из европейских коллег или сверстников — это нормально, и это есть, да, т.е. просто невозможно отрицать. Я это всё тоже чувствую и мне это дорого. Но и другую часть не стоит игнорировать или выстраивать с ней оппозицию. Почему я, поездив по всему огромному пространству, считаю важным об этом говорить? Это огромная часть наследия. Оно не плохое и не хорошее — оно есть.

Всё дело в ощущении реальности. Вот я приезжаю в Норвегию или в Данию. И там — другая реальность. И я чуть-чуть перестраиваюсь на общение, переключаю в себе что-то. А в горном ауле в Азербайджане, в Самарканде, на Камчатке переключения не требуется. Даже в Чечне и Дагестане — для нас эти места кажутся самыми экстремальными — живут *наши* люди, ну может быть, во времени на 10-15 лет раньше, чем мы. Я был в горном селе в Дагестане, где до сих пор в пионеры принимают. Причём всерьёз, и эта традиция

не прерывалась. Галстуки перестали завозить, они их по наследству передают. Да не в галстуках дело. На огромном пространстве бывшего СССР остаётся жить общий понятийный аппарат, система ценностей, коды общения. Вот с новосибирским куратором этой выставки Валерой Кламмом мы виделись до сегодняшнего дня всего три раза. Мне не надо напрягаться, чтобы договориться, что мы будем делать. Если бы я общался с западным куратором, пришлось бы всё время смотреть, как он там реагирует, что ему важно, что нет, а с Валерой это не нужно. То же самое и в Дагестане. У меня не было проблем с общением. Разве что плава пришлось о-о-чень много съесть.

— Можно ли переложить то, о чем ты говоришь на визуальный язык фотографии?

— Ты ведь просишь меня сейчас о противоположном — пересказать словами то, что показывает это выставка. Говорят, у Льва Толстого спросили, о чём «Анна Каренина». Он открыл книжку: «Анна Каренина про то, что...» — и начал читать... Ну как в двух словах скажешь. Это же визуальный язык, его не перескажешь, бессмысленно.

— Можешь найти какой-то образ или метафору, чтобы выразить эту истину?

— Истину пространства «мы»... Ну, всё-таки теплее, мне кажется, это пространство, на уровне эмоции, приятия друг друга. При этом более дикое, естественное. Здесь внутреннего животного больше, чем в Европе. Это и хорошо, и плохо. И потом ещё одно слово всплывает: *сюр*. Немыслимое, иррациональное и парадоксально смешное. Во всей Европе вот это начало в картинке только Кустурице удавалось воспроизводить. А у нас тут это чуть не в каждом кадре, по-моему. Причём, мы сейчас уже осознаём абсурдность каких-то вещей, но мы принимаем повседневность такой, какая она есть. Мы с ней готовы жить. Это то, чего за границами нет, по-моему. Вот в этом, наверное, главное отличие стороннего, европейского

1.

Артём Житенев.
Москва. 2006 г.

От автора: <<Я возвращался со съемки по аллее парка. Хотел снять витрину маленького киоска, увлекся игрой отражений. Внезапно продавщица, очевидно, зараженная характерной для столицы фотофобией, решила пресечь мою несанкционированную съемку. И этим сделала мне кадр! Ничего хорошего я в тот день не снял, шел расстроенный. Спасибо ей — выручила!>>

Мы

взгляда на наше пространство от дешёвого. По моим ощущениям, во взгляде западного фотографа на реалии этого пространства частенько в глубине сидит вот такой холодящий «ужас-ужас», пусть и скрытый за политкорректной нейтральностью. Принятие всего, даже грустного и страшного — через юмор, через не отстранённый взгляд, это наша очень сильная сторона.

— Советский период — преходящий момент в истории всего этого пространства?

— Ну, по крайней мере, это позднейший этап. Что будет дальше, интересно. Когда я собирал фотографии, я хотел соблюсти баланс позитива и негатива.

Т.е. чтобы с одной стороны не обвиняли в очернительстве, с другой стороны, мне самому не хотелось, чтобы это было что-то парадное, сладкое. Так вот, никакого баланса не получилось. Мрачновато. Но это правда. Я же не врал себе, я старался сознательно брать хорошее, радостное тоже включать.

— Ладно. Будущее тревожно. Расскажи историю каких-то сюжетов на выставке? Как ты их воспринимаешь?

— Например, вот серия Константина Дьячкова «Русский рубеж». В прошлом году, когда меня «Русский репортёр» попросил назвать главный материал года, я предложил эту работу. Это Чукотка. Материал про православных священников, аскетов, которые уехали туда даже не возрождать Православие (его там никогда не было), а буквально на край земли утверждать свою веру. Дьячкову этот материал никто не заказывал, он прилетел на Чукотку и у него был выбор тем. Бывший рекламный фотограф, снимающий красиво, гламурно и хорошо на этом зарабатывающий, мог бы снять туристические красоты. И как-то так случилось, он с одним таким священником столкнулся, и понял, что ему хочется снимать вот так. Абсолютная, предельная простота языка. Никаких красотостей. Очень сильно и достойно уважения. Зачем он это делает? За деньги он что-то другое делает, а это — скорее для самого себя.

Или вот материал Димы Маркова из детских домов на Псковщине¹. Он там сам работает, с этими детьми. Для него это не репортаж, это его жизнь, дело. И на его снимках, в отличие от обычных репортажей репортёров-«гастролеров», эти очень трудные дети — живые, тёплые, открытые. Барьера нет, есть доверие к фотографу. Это дорогого стоит, по-моему, просто возможность увидеть, какие у них на самом деле глаза.

Беседовал Михаил Немцев

¹ «60 параллель» публиковала фотоисторию Дмитрия Маркова «Интернат», см. № 1(32), 2009

По вопросам показа выставки обращайтесь к кураторам
 Артем Чернов (проект Photopolygon.com):
 artemchernov@gmail.com
 Валерий Кламм (Агентство регионального маркетинга,
 Новосибирск): klami4@gmail.com

География выставки «Мы»

Регионы, города, деревни, села и станицы, которые представлены в работах авторов выставки (список представлен Артёмом Черновым и Валерием Кламмом)

Анненский погост (Ленинградская обл.)
 Великий Новгород
 Владикавказ
 Гехард (Армения)
 Деревня Березовка (Псковская обл.)
 Деревня Жердь (Архангельская обл.)
 Деревня Иза, Карпаты (Украина)
 Зеленодольск (Татарстан)
 Казань
 Камчатка
 Кемеровская обл.
 Киев (Украина)
 Кировская обл.
 Коканд (Узбекистан)
 Коктебель (Крым)
 Красногородск (Псковская обл.)
 Красноярск

Ленинградская обл.
 Львов (Украина)
 Макарьев (Нижегородская обл.)
 Маслянино, Елбань, Мамоново (Новосибирская обл.)
 Минск (Беларусь)
 Москва
 Новосибирск
 Орловская обл.
 Пос. Вашковцы (Черновицкая обл. Украина)
 Псковская обл.
 Пушкин (Ленинградская обл.)
 Санкт-Петербург
 Сёла Росийка и Петропавловка (Красноярский край)
 Село Цваричамия (Грузия)
 Село Эль-Тюбю (Кабардино-Балкария)
 Советск (Кировская обл.)
 Станица Великопетровская (Челябинская обл.)
 Сурхандавинское водохранилище (Узбекистан)
 Торез (Донецкая обл., Украина)
 Уралмаш (Екатеринбург)
 Устюгово (Омская обл.)
 Херсон (Украина)
 Хрустальное (Луганская обл., Украина)
 Худжант (Таджикистан)
 Цхинвали (Южная Осетия)
 Черкесск (Карачаево-Черкесия)
 Чукотка
 Ярославская обл.